

ПАНОЗЕРСКОЕ: СЕРДЦЕ Беломорской Карелии

JUMINKEKO

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
2003

К № 1348932

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

ОСВОЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПАНОЗЕРСКИЕ КАРСИККО

В ходе полевых исследований 1999—2000 годов в селе Панозере и его окрестностях были обнаружены многочисленные *карсикко* (от глагола *karsie* — обрубать сучья) — особым образом отмеченные хвойные деревья, внешними признаками которых являются обрубленные сучья или затесы на стволах, а также вырезанные в коре деревьев различные знаки. Речь идет о явлении, которое в значительной своей части связано с древними мифологическими представлениями о строении окружающего мира [37].

Функциональная парадигма описываемого явления на территории таежной зоны Северной Европы, от Северной Норвегии и Северной Швеции на западе до Приуралья на востоке, достаточно широка, но частично исследована в исторической перспективе лишь на финских и северно-карельских материалах [110; 111]. *Карсикко* вырубалось в ходе погребального, свадебного или календарных обрядов, помимо этого в Северной Карелии зафиксировано обрубание веток на ели уходящим на войну рекрутом (типологически сходные обычаи отмечены также в Вологодской, на северо-востоке Архангельской области и в Удмуртии). В некоторых местностях центральной и восточной Финляндии *карсикко* символизировало своеобразную инициацию, когда достигший определенного возраста участник молодежного коллектива, впервые покидая пределы родовой территории, на границе двух волостей выставлял угощение для своих попутчиков, сидя на ветвях им самим или его спутниками обрубленного дерева. В Северной Карелии для невестки, впервые принимавшей участие в земледельческих или сенокосных работах на землях рода мужа, на пожне или пожоге вырубалось *карсикко*, после чего, в качестве ответного дара, невестка угощала присутствующих ритуальной кашей и стряпней. Близки перечисленным выше обычаям и некоторые так называемые рыболовные и охотничьи *карсикко*, когда дерево обрубалось новым членом промысловой артели на месте улова рыбы или было связано с первой охотничьей добычей. В Северной Финляндии и Северной Швеции зафиксированы обычаи вырубания *карсикко* впервые прибывшим в определенную местность человеком, что делалось уже независимо от его занятий или возраста [101; 110].

Помимо общей для *карсикко* семантики как знака, сделанного в память о важном для личности или коллектива событии, функционально вырубание *карсикко* в вышеприведенных случаях можно классифицировать как принесение жертвы духам-хозяевам данной местности, вызванное освоением вновь прибывшими определенной территории. Так, одна из основных функций *карсикко* — когнитивная, связанная с познанием и освоением некоего пространства, обнаруживается в обычаях новопоселенцев Северной Похьянмаа в Финляндии, которые, по материалам Кустаа Вилкуна, определив место строительства нового дома, прежде всего отмечали с помощью зарубок и обрубания сучьев хвойное дерево. Впоследствии это дерево сохраняли.

Охранительные функции *карсикко* (изначально, вероятно, связанные с идеей жертвоприношения), а также мифологическая роль как определителей гра-

ниц освоенного и неосвоенного пространства, одновременно являющихся междиаторами между человеческим и потусторонним мирами (в особенности это касается карсикко умершего, см. ниже) на карельских материалах проявляются не только в случае строительства отдельного дома, но и при освоении территории, необходимой для существования целой общины. В деревне Карельская Масельга на Сегозере в 1974 году участниками советско-финляндской исследовательской группы было обнаружено несколько старых сосен, в коре которых на уровне человеческого роста и выше были вырезаны полутора-, двухметровые восьмиконечные кресты. Все они находились на некотором расстоянии от деревни, у полей и пожен, как бы обрамляя ее со стороны суши. Один из крестов был вырезан в коре дерева, стоящего у входа на кладбище, которое было расположено напротив деревни, на другой стороне залива. Местные жители рассказывали, что некоторое время назад в деревне проживал старик, который ежегодно обновлял кресты на соснах, объясняя свои действия тем, что кресты якобы охраняют деревню от действия злых сил. Попутно здесь следует заметить, что крест (в том числе его древнейшая форма — косой крест) на всей территории бытования карсикко в функции магического, охранительного знака достаточно часто встречается вырезанным на стволе дерева, в частности, на кладбищах или на подходах к нему, на местах гибели людей. Но крест на дереве можно встретить и на перекрестках старых промысловых троп, на рыболовной тоне или на местах отдыха в лесу около дорог.

Материалы автора из районов средней и Северной Карелии свидетельствуют о том, что карсикко на мысах и берегах озер вкупе с подобными же особо отмеченными деревьями на кладбищах (которые часто находились на островах или мысах, на берегах водоемов, по отношению к поселению — «за водой», на некотором от них расстоянии) отграничивали освоенную человеком, «окультуренную» территорию от остальной неосвоенной или малоосвоенной, «природной» среды. Кроме того, ими были отмечены и сакральные точки территории — карсикко часто можно и сейчас обнаружить у церквей и часовен, не говоря уже о кладбищах. Сакральными в исторической ретроспективе, вероятно, являлись и некоторые особенные или выделяющиеся на местности природные объекты, у которых, по древним представлениям, могли быть особые духи-хозяева. Не секрет также, что многие церкви и часовни построены именно на таких местах, в бывших священных рощах, у почитаемых камней или родников и т. д. Подобное вышеописанному расположение карсикко на местности характерно и для северно-карельского села Панозера*.

Особый интерес для нашей темы представляют панозерские кладбища. Имеются сведения о трех кладбищах, из которых одно и поныне действующее кладбище — в местечке Миеккакангас (*Miekkakangas*) выше по реке, второе — у церкви, с 1905 года не действующее, но с сохранившейся кладбищенской рощей, о третьем же имеются только устные упоминания. Место третьего кладбища, находившегося на наиболее возвышенном месте островной части деревни, показывал автору в 1999 году Илья Мельгин. Перед домом Мельгинных расположен песчаный холм с вырытыми в нем частично заброшенными

* Первые сведения о карсикко на бывшем панозерском погосте (на прицерковном кладбище) были получены автором в 1995 году в виде фотографий и устных описаний, сделанных участниками экспедиции Музея Кайнуу Хейкки Рюткеля и Натальей Поздняк, что послужило отправной точкой для дальнейших исследований.

картофельными ямами. По преданию, на холме некогда находилась часовня. На территории между холмом и домом Мельгиных, по утверждению Ильи Мельгина, было кладбище, т. к. при вспахивании расположенного здесь картофельного поля в земле неоднократно находили небольшого размера (возможно, детские) человеческие кости. О существовании кладбища у дома Мельгиных рассказывал автору также Д. П. Попов (1928 г. р.), жители Острова

Илья Мельгин, внук легендарной «кормилицы» Анны Мельгиной. Д. Остров. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

Место часовни за домом И. Мельгина в центральной части Острова. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

М. Г. Попова (1933 г. р.) и М. Д. Свинко (в дев. Филиппова, 1920 г. р.). А. Г. Карабасникова (1922 г. р.) утверждала, что часовня, по рассказам стариков, сгорела во второй половине XIX века, так как на памяти ее матери часовни на Острове уже не было.

Напротив предполагаемого места часовни, в части деревни, называемой Маннер (*Manner* — Материк), в старой кладбищенской роще находится частично сохранившееся здание Ильинской церкви. Как уже отмечалось в разделе о фольклоре, относительно выбора места строительства церкви существует предание, соотносимое с некоторыми подобными образцами словесности на более широкой прибалтийско-финской территории [122, с. 179, карта 79].

Кладбищенская роща вокруг церкви, называемая Куусикко, т. е. «ельник» (*kuusikko* и *mannikko* — «сосняк» — обычные для карел наименования кладбищ), сохранилась достаточно хорошо, не считая ее северо-западного угла, где в начале XX века стояла колокольня и, как видно по старым фотографиям, несколько больших елей-карсикко с обрубленными почти до самой вершины

ветвями. Многие сохранившиеся старые деревья в роще носят на себе следы зарубок на ствалах, ветви некоторых из них обрублены топором на определенном расстоянии от ствола и т. д. Наибольшее количество отметин находится на соснах юго-западной окраины кладбища. Здесь у некоторых сосен ветви с северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон обрублены на высоте до 8 м от земли, причем не у основания ветвей, а на некотором расстоянии (до одного метра) от ствола. Рядом, в южном направлении от здания церкви, находятся две сосны, на ствалах которых топором вырезаны большие восьмиконечные кресты. Толщина нарощей в течение десятилетий по краям фигур заболони на деревьях указывает на то, что кресты могли быть вырезаны в конце XIX — начале XX века. Один из крестов изображен неправильно — косая перекладина креста наклонена в противоположную сторону. На этом кресте, который находится на уровне головы человека, видны следы более поздних зарубок и надрезов. Второй, четко обрисованный и правильно ориентированный восьмиконечный крест, вырезан довольно высоко, примерно в 2,5 м от поверхности земли.

Вид на Куусикко и Ильинскую церковь с востока.
Фото Н. Поздняк.
Панозеро, 1999 г.

Вид на Куусикко и Ильинскую церковь с северо-запада. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

Крест на сосне в южной части Куусикко.
Фото Н. Поздняк. Панозеро, 1995 г.

нию, т. к. на карельских кладбищах еще относительно недавно действовал не-писаный закон, по которому на кладбище ничего не позволялось трогать — ни ломать ветви, ни собирать ягод, ни даже убирать упавшие сухие стволы деревьев. Лишь вырубание карсикко, казалось бы, шло вразрез с общепринятой традицией. Однако известно, что ритуал как во временнóм, так и в акциональном аспектах, был исключением из обыденной жизни, поэтому вырубание карсикко на кладбище можно назвать ритуальным нарушением табу (обыденных запретов), т. е. сакральным действием, связанным с особым, вневременным и внепространственным характером ритуальных действий. В любом случае, карсикко на кладбищах или вблизи них, с помощью которого душа покойного осуществляла переход в потусторонний мир (карсикко умершего) [37, с. 93; 112, с. 53—57], в описываемой здесь форме встречается на обширных пространствах Северной Европы, включая Скандинавию и Финляндию. Что же касается Русского Севера, то судя по результатам полевых исследований автора, ареалы карсикко умершего охватывают историческую карельско-вепсскую территорию от Новгородской (Валдайский район), Вологодской (Белозерье и восточные районы Вологодской области) и Ленинградской областей до южных районов Мурманской области включительно. Та же ситуация наблюдается в Архангельской области — в Онежском районе, а по литературным сведениям — в Пинежье [114, с. 62—63]. Экспедиционные материалы автора 2000—2001 годов позволяют утверждать, что карсикко умершего на кладбищах имеет широкое распространение также на территории Республики Коми.

Возвращаясь к панозерскому Куусикко, следует отметить присутствие там еще одной особенной детали. На западной стороне кладбища в 1995 году Хейкки Рюткеля сфотографировал вырезанное на стволе старой ели и частично за-

Во взятом Н. Е. Поздняк в 1995 году интервью старейшая жительница Панозера А. К. Елисеева (1909 г. р.) рассказывала, что в прежнее время прибывавшие на праздник из других деревень родственники жителей Панозера оставляли «память о празднике», вырезая (а может быть, обновляя? — А. К.) кресты на соснах около церкви. В связи с этим сообщением возникает вопрос: не лежит ли в основе этих действий упомянутый выше обычай делать карсикко впервые прибывшему на праздник родственнику? Но почему карсикко делалось именно на кладбище? Делалось ли оно в связи с посещением могил родных (непременной частью «программы» любого престольного праздника)? Эти вопросы пока остаются без ответа. По крайней мере то, что обрубание ветвей или вырезание каких-либо знаков на кладбищенских деревьях было ритуальным действием, не подлежит сомнению.

плывшее смолой изображение, которое он интерпретировал как контур человеческой фигуры. На стволе примерно в полутора метрах от земли явственно проступает ромбической формы голова и две полуопущенные «руки», а две продолговатые выемки в нижней части изображения можно трактовать как обозначение ног. Фигура вырезана на северной стороне дерева. Антропоморфные изображения на стволах деревьев, встречающихся в лесах Беломорской Карелии и Северной Финляндии, известны как по рассказам путешественников (начиная с Элиаса Лённрота), так и по более поздним материалам. В 1980—1990 годы по обе стороны границы было сделано несколько таких находок. По сведениям финского собирателя начала XX века Самули Паулахарью, полученным в северно-карельской деревне Войница, изображение человеческой фигуры или головы, называемое хуррикаас (*hurrikas*), функционально заменяло собой карсикко с обрубленными ветвями, т. е. представляло собой одну из форм этого многогранного явления.

Антропоморфное изображение на ели в Куусикко.
Фото Н. Поздняк. Панозеро, 1995 г.

Если в панозерском Куусикко последнее захоронение произошло в 1905 году, когда там опустили в землю, по словам Е. С. Пожарского, тело его прадеда Калистрата, ходившего по церковным делам в Новгород (на прицерковном кладбище, по сведениям М. Г. Поповой, по крайней мере в последние десятилетия перед революцией, хоронили только причт и жителей села, имевших особые заслуги перед церковью), то кладбище в местечке Миехкакангас, находящееся в километре от села вверх по течению реки на запад — действующее

кладбище с множеством сохранившихся как старых, так и подновленных в русле традиции крестов и столбиков (в Куусикко не сохранилось намогильных сооружений). С названием Миехкакангас (*tiekkä* — меч, *kangas* — ровное место в сухом бору) связана местная легенда, восходящая, вероятно, к событиям конца XVI века, времени частых

Кладбище Миехкакангас. Фото А. Конкка. Панозеро, 2000 г.

шведских нашествий. Один из вариантов легенды записан автором от Л. А. Бабкиной. «Шведы откуда-то узнали, что больно хорошая церковь здесь, пришли и говорят: недолго ты тут красоваться будешь, мы тебя сожгем! Ну, тут и стали биться с местными мужиками на Миеккакангас — мечами еще тогда бились. Церковь была Ильи Пророка. А бог-то как услышал, что церковь собираются спалить, так и ослепил всех шведов. Воткнули они свои мечи в Миеккакангас да и ушли оттуда, кто уцелел. Очень красивая, говорят, церковь раньше была»*.

По другому варианту легенды, записанному Виено Федотовой в 1970 году от Федосьи Николаевны Поповой (1890 г. р.), шведов наказывает слепотой именно Илья Пророк, на церковь которого посягают захватчики. Погибших в сражении шведов закапывали тут же на поле брани. Таким образом, они были первыми захороненными на будущем кладбище Миеккакангас [115, с. 124—125]. Это, однако, еще не значит, что Миеккакангас стали использовать как кладбище с XVI века. Вероятнее всего, наиболее древним местом захоронения панозерских жителей является Куусикко. Два относительно небольших кладбища — у часовни на острове и у церкви на материке — вполне могли соответствовать потребностям села еще в XVIII — начале XIX века, лишь позже, при значительном увеличении населения и сплошной застройке (до 100 домов в начале XX века) сельское кладбище пришлось перенести на новое место и уже на некоторое расстояние от села. Наиболее подходящим для этой цели оказалось легендарное Миеккакангас. Находящееся на высоком берегу реки, по отношению к селу — за водой (от материевой части деревни оно отделялось болотистым заливом), поросшее старым хвойным лесом (с преобладанием сосны), на сухом песчаном грунте и доступное для основного вида транспорта — водного, Миеккакангас соответствовало как религиозно-мифологическим, так и чисто практическим требованиям для устройства карельского кладбища.

Традиционность, выражаяющаяся в выборе места для кладбища Миеккакангас, в оформлении на нем могил (здесь, по рассказам местных жителей, были и «домовины» (*grobnicat*) — «намогильные домики», широко распространенные в прошлом в Беломорской Карелии [115, с. 124; 62, с. 57—61]), проявилась и в традиции вырубания карсикко. Первые сделанные топором отметки на деревьях встречаются уже на подходе к кладбищу. При подъеме на возвышенность со стороны речного берега (откуда несли гроб с покойником, переправившись из села на лодке) находится высокая, почтенного возраста, отдельно стоящая у дороги раздвоенная сосна, со всех сторон испещренная зарубками различных форм и размеров от самых корней до высоты человеческого роста. Более десяти снизу находящихся ветвей ее обрублено топором, причем с восточной стороны оставлены длинные (около метра) их комли. С южной стороны на уровне около 180 см от земли в стволе вырезана глубокая и неглубокая выемка, вероятнее всего, для иконы. У входа на кладбище, сбоку от основных ворот находится сосна, которая также отмечена несколькими зарубками. Интересно, что на дереве, поверх старых сделаны абсолютно свежие, новые затеси. На помещенной фотографии видно, что сделавший зарубку человек стесал часть поверхности внутри старой зарубки, таким образом лишь подновив ее. Подобное обновление старых затесов на деревьях при входе на кладбище — современная тенденция развития традиции карсикко, которая отмечена авто-

* Записал А. Конкка 25.02.2000, пленка 26/14.

Сосна-карсикко
у дороги на кладбище
Миеккакангас.
Фото А. Конка.
Панозеро, 1999 г.

Сосна с зарубками у входа на кладбище Миеккакангас.
Фото А. Конка. Панозеро, 1999 г.

ром и в некоторых других деревнях на севере Карелии (например, в Пизьмогубе и Кимасозере). На самом кладбище Миеккакангас у могил свежих зарубок на деревьях не обнаружено, но сохранилось около двух десятков старых, частично заросших корой затесей.

На кладбище Миеккакангас также имеются свои, вырезанные в коре дерева, кресты. Один из них, четырехконечный, вырублен на сосне в северо-западной, старой части кладбища. Длина креста около 30, ширина 15, а толщина 5—6 см. Второй крест, восьмиконечный, вырезан (прочерчен ножом) на относительно молодом дереве в новой, юго-

Крест на сосне на кладбище Миехкакангас.
Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

Дерево с обрезанной вершиной на северной окраине
кладбища Миехкакангас. Фото А. Конкка, 1999 г.

впоследствии также отрублены, и лишь одна, с северо-восточной стороны дерева, была оставлена. Огиная засохшую вершину, она стала расти в вертикальном направлении, заменив собой обрезанный ствол. По этому поводу следует заметить, что дерево с обрезанной вершиной представляет собой, вероятно, наиболее древнюю форму карсикко умершего и чаще всего встречается именно на кладбищах. Свою аналогию подобное, по форме своей лирообразное (когда на стволе с обрезанной вершиной оставлено две ветви по бокам), дерево имеет, по наблюдениям автора, на кладбищах Удорского района Коми*.

западной части кладбища. На северной стороне кладбища привлекает взгляд старая полу-высохшая ель, многие ветки которой с восточной и северо-восточной сторон были обрублены, причем на стволе оставлены полуметровые их основания. На западной стороне дерева сохранилась лишь одна ветка, которая ныне представляет собой нечто вроде второго ствола, все остальные ветви обрезаны под самый корень. Среди других деревьев, носящих следы подобной «обработки» обращает на себя внимание сосна, находящаяся на северной окраине кладбища, у спуска к реке. Вершина ее на уровне около 1,5 м была некогда обрублена топором (в развилике ветвей на месте основного ствола сохранился высохший обрубок верхушки), после чего окружавшие высохшую вершину ветви начали расти вверх, но две из них были

* Ср. *вожа ну* — «дерево с развиликой» [88, с. 110].

К сожалению, мы не умеем расшифровывать знаки на деревьях до такой степени, чтобы «читать» эти древние «письма», как, по некоторым сведениям, еще в конце XIX века могли делать иные старожилы северно-карельских деревень, когда человек, встретив карсикко в лесу, мог по конфигурации обрубленного дерева и по тому, на какую часть света были ориентированы те или иные ветки, определить, кто, по какому поводу и при каких обстоятельствах сделал карсикко. В нашем распоряжении имеется лишь некоторый набор по большей части предполагаемых значений относительно оставляемых на карсикко ветвей и их ориентации (например, известно, что одна ветка, оставленная на обрубленном участке ствола, может указывать то направление, откуда появился впервые прибывший в данную местность человек, но, с другой стороны, подобные ветви указывали на наличие в живых родителей сделавшего карсикко и т. п.). Ориентация света в древних промысловых культурах имела существенное мировоззренческое значение (в более поздних традициях она наиболее явно проявляется в ориентации культовых сооружений — церквей и часовен). Одним из сохранившихся до нашего времени в традиционной культуре фактов подобного рода (в силу известной консервативности похоронного обряда) является ориентация захоронений и надмогильных сооружений, что имеет непосредственное отношение к теме карсикко умершего. Автором неоднократно было замечено, что многие карсикко на карельских кладбищах своими частично обрубленными ветвями направлены на север, что соответствовало стадиально ранней ориентации захоронений в сторону страны мертвых*. Однако со временем ориентация могил менялась: вначале умерших хоронили преимущественно ногами на север (пример тому — захоронения в курганах летописной веши X—XI веков). Затем появилась смешанная ориентация, в том числе хоронили ногами на юг (62, с. 51—56). И, наконец, по мере христианизации меридиональные захоронения все чаще стали заменяться широтными по направлению запад—восток. Карсикко умершего, в некотором смысле, можно назвать древнейшим могильным сооружением (на некоторых небольших кладбищах встречается одно, как бы «коллективное» карсикко — высокое дерево с обрубленными ветвями), ориентация которого сохраняет связь с картиной мира, восходящей к представлениям человека доисторической эпохи.

В августе 1999 года автором совместно с сотрудникницей Музея Кайнгу Хеленой Лонкила и в сопровождении жителя Панозера Г. Г. Дементьева было предпринято обследование восточной части озера Панозеро и окрестностей порога Ламбиливо на реке Кеми (см. схему). В результате на мысу Ристиниemi (*Ristiniemi*) — Крестовом и на острове Вилуадсуари (*Viiluadsuari*, вероятно, от кар. *villä* — кроить, разрезать, ср. *viillättyä* — направлять) был обнаружен ряд деревьев с различными знаками на стволах. В массиве леса на мысу Ристиниemi нашлось несколько сосен с зарубками разной формы. На некотором расстоянии от берега, ближе к северо-западной оконечности мыса находились две сосны с затесями, на поверхности которых ножом были вырезаны знаки — начинаяющиеся с «Л» инициалы (вторая буква почти полностью осталась под наростшей корой) и косой крест (в виде буквы X). Как впоследствии выяснилось из

* Ср., например, указания на это направление света, встречающиеся в карельской эпической поэзии и свадебных песнях калевальской метрики. Это прежде всего свадебная песня «Летел орел с северо-востока», некоторые детали в описаниях путешествий героев в иной мир (железный тын «от земли до неба», см. Прил. 3) и т. д.

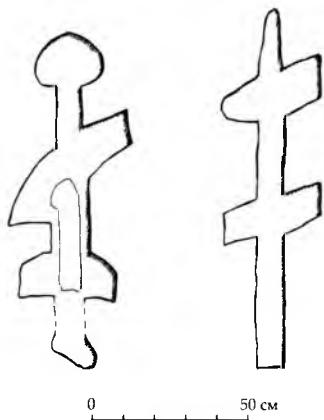
Западная оконечность острова Вилуадсуари с соснами-карсикко. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

рассказа М. Д. Свирко, на северо-восточной оконечности Ристиниemi еще в 1930-е годы стоял большой деревянный (так называемый поклонный) крест. Вероятно, это сакральное место и было отмечено косым крестом на дереве.

При приближении к острову Вилуадсуари, находящемуся непосредственно перед началом порога Ламбиливо и разделяющего реку на два рукава, правый из которых носит название Бабья Карежка (*Akankorko*), на выступающем навстречу течению реки мысу и вдоль берега Бабьей Карежки еще издалека был виден десяток старых сосен, на которых нами впоследствии было найдено множество различных знаков. Помимо коротких и широких, а также узких, вытянутых в длину на 1 м (уже застраивающих) зарубок, на растущих и сваленных деревьях было обнаружено пять вырубленных в стволах восьмиконечных крестов различной величины и состояния сохранности. Один из них пострадал от пожара, другой на упавшем дереве был испорчен сделанными сверху затесками, третий на ели частично покрылся смолой, но два креста на растущих деревьях сохранились практически в своем первозданном виде. Самый большой из них был вырублен со стороны Бабьей Карежки (вероятно, наиболее используемой для прохода лодок речной протоки) и имел высоту 106 и ширину 39 см. Верхняя часть его была оформлена в виде луковицы. В промежутке между средней косой и нижней прямой по-перечинами, внутри фигуры была сделана свежая затеска длиной 35 см. То есть здесь, как и на кладбище, налицо было обновление знака на карсикко. Помимо тех карсикко, которые находились на мысу и по берегу Бабьей Карежки, на

Крест, вырезанный на сосне, расположенной на берегу пролива Бабья Карежка. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г.

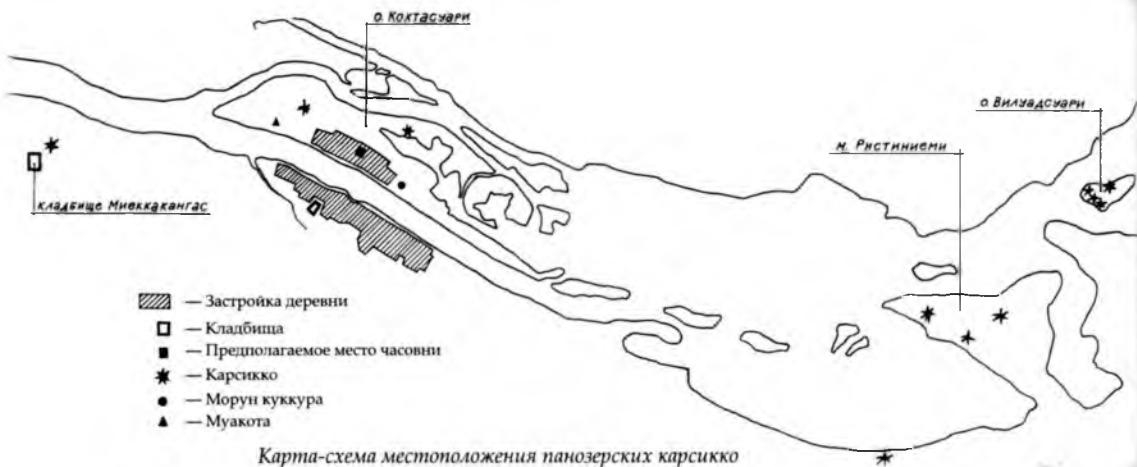
Кресты на деревьях острова Вилуадсуари. По обмерам Х. Лонкила, 1999 г.

некотором отдалении от других, уже на левом берегу острова стояла старая, частично засохшая ель. На дереве в северо-западном направлении, т. е. «лицом» к левой от острова прото-ке, был вырезан крест. По направлению между востоком и северо-востоком на этом дереве был сделан широкий затес в рост человека. В том же примерно направлении ниже по реке открывался порог Ламбиливо. Таким образом, деревья со знаками находились на обоих берегах рассекающего воды Кеми острова Вилуадсуари. Вырезанные на них кресты и затесы были направлены в разные стороны света и «охватывали» всю речную акваторию перед порогом Ламбиливо.

Как же местные жители объясняли значение вырезанных на деревьях крестов? Далеко не все знали об их существовании. Некоторые предполагали, что кресты вырезаны тогда, когда на острове стали оставлять на летний выпас овец. Кресты в данном случае должны были охранять овец во время грозы от молний. Другие добавляли, что кресты могли сделать попавшие на остров и спасавшиеся там от грозы путешественники. Предлагали также версию навигационного знака: когда по реке сплавляли на лодках сено, то лодки были перегружены и следовало соблюдать осторожность. Во избежание неприятностей крестами будто бы метили фарватер. Кресты на деревьях, по мнению М. Д. Свинко, вырезали после войны, до войны же, как отмечалось выше, на мысу Ристиниеми стоял большой поклонный крест. М. Д. Свинко рассказала, что озеро Панозеро было своего рода этапом во время движения вниз по порожистой Кеми. Даже на сплаве, когда в районе Вилуадсуари отправляли вниз по течению реки «харчевую», т. е. плот с котлопунктом, то все наблюдавшие это «крестили глаза». Отсюда путь вел к нижним порогам, которые набирали такую силу, что часть из них состояла в ряду запрещенных для спуска на лодках — тогда следовало обходить порог по суше. Путешественники XIX и начала XX века упоминали такую деталь, как наличие деревянных крестов по обе стороны почти каждого крупного речного порога и, описывая поведение местных жителей, отмечали, что, увидев подобный крест на берегу, те всегда осеняли себя крестным знамением, как бы испрашивая себе удачного спуска перед порогом и благодаря за благополучный исход дела в конце его. У крестов, как правило, была и своя конкретная история. Л. А. Бабкина вспоминала, что в районе деревни Сопосалмы (выше по течению Кеми) перед войной в пороге утонул мужчина. Напротив этого места на берегу поставили деревянный крест. Проезжая мимо на лодке, они здесь всегда останавливались и оставляли под крестом полевой цветок, ветку сосны или березы. Следует сказать, что, по рассказам жителей Панозера, место неожиданной кончины человека в лесу также было в обычай отмечать крестом. В данном случае его вырезали прямо в коре дерева, т. е. делали карсикко.

Заметим, что во многих местах карсикко находились рядом с установленными там деревянными крестами. Так было, например, в Северной Карелии на перекрестьях водных путей. Более того, в северо-западной Карелии ветки и цветы

(иван-чай) могли относить в вышеприведенных случаях именно под карсикко. Обычаем также было оставлять под крестом или карсикко камень. Так, под карсикко на мысу Руванкорко на Верхнем Куйтто, где отправлявшиеся через озеро на лодках путники оставляли камень для обеспечения себе удачного пути, с течением времени образовалась целая каменная куча [127, с. 238; 126, с. 735; 118, с. 220]. Таким образом, карсикко могли быть связаны с местами смерти людей и вне освоенных территорий использовались как апотропей, т. е. оберегающий и приносящий удачу объект, связанный с силами потустороннего мира [37, с. 93—94, 105]. В этой связи деревья-карсикко с крестами на острове Вилуадсуари получают еще одну версию своего происхождения, думается, наиболее достоверную, в основе которой лежит стремление путем магического воздействия на природные силы защитить передвигающихся по реке людей (водные пути были на протяжении сотен лет основными связующими магистралями) от неуправляемой стихии, укротить ее и, в конечном итоге, освоить, упорядочить функционально важную для человека частицу природной среды.

Если взглянуть на прилагаемую карту-схему окрестностей села Панозера, на которой отмечены все известные автору карсикко, то окажется, что они разделяются на две группы, одна из которых окружает село, вторая же тяготеет к восточной границе озера Панозера, преддверию порога Ламбиливо. Решающим фактором, объединяющим все объекты первой группы, оказалась их визуальная совместимость друг с другом. Автор побывал в нескольких точках на материке и острове, чтобы определить, как кладбищенские рощи и отдельные карсикко соотносятся между собой в пространстве, и зафиксировать попутно на фотопленку «примечательные места». На острове внимание привлекли три точки, которые выделялись на местности, имели свою топонимику и были так или иначе связаны с прошлым села Панозера. Воспользовавшись экскурсией, мы, возможно, несколько отклонившись от темы, приведем и те устные сведения, которые нам удалось собрать относительно данных объектов. Первая точка — это место старой часовни и кладбища, о них шла речь выше. Ее можно назвать центральной точкой, из которой были хорошо видны все отмеченные на схеме карсикко первой группы, в том числе деревья с отметинами на следующем за деревней острове — Кохтасуари или Кохтануру. Интересно, что описанное выше карсикко на дороги на кладбище Миеккакангас — развилистая

сосна — за счет своего высокого положения на береговом откосе рельефно выделялась на фоне неба, не сливаясь с находящимися за ней деревьями кладбищенской рощи. Расстояние от часовенного холма до сосны около 1,3 км.

Второй точкой на острове было возвышенное место примерно в пятидесяти метрах от последнего дома нижнего, восточного конца острова (*Suaren Alapiä*) под названием Морун куккура (*Morun kukkura*), которое буквально переводится как «Моровой пригорок» (от слова «мор» — болезнь, смерть), если в основе топонима не лежит имя собственное. Несмотря на такое название, Д. П. Попов высказал предположение (неизвестно из каких источников), что это место никогда стоявшей на восточном конце острова церкви. По преданию, островная часть деревни была заселена раньше материковой, возможно поэтому все «панозерские древности» связывают с островом. По свидетельству Дозорной книги Лопских погостов, панозерская Ильинская церковь была в конце XVI века выстроена «ново после немецких войны». Была ли она поставлена на новом или на старом месте? В любом случае, с остатков сильно изрытого песчаного пригорка открывается практически та же картина, что и с часовенного холма. Напротив, на юго-западе возвышаются верхушки Куусикко, на западе виден контур Миеккакангас со стоящей перед ним сосновой-карсикко, на севере и северо-востоке различаются кряжистые меченные деревья Кохтасуари, в пределах видимости находится также часовенный холм.

Вид на озеро и село Панозеро с мыса Ристиниemi. Фото А. Конкка. Панозеро, 1999 г

Третьей точкой было выбрано место с названием Муакота (*Muakota*), находившееся на противоположной, западной стороне острова, примерно в 300 м от последнего дома на верхнем конце, который носил также второе название — Матинпия (*Matinpia* — Матвеев конец) или Матинсуари (*Matinsuari* — Матвеев остров). Муакота сегодня представляет из себя небольшой бугорок в десятке метров от берега в низкой, заросшей молодым, в основном лиственным лесом, части острова. На окруженном зарослями можжевельника бугорке, частично ушедшие в землю, в достаточно строгом порядке расположены камни фунда-

мента (?) со сторонами 4 × 3,5 м. На восточной стороне имеется «пристройка», размерами примерно 2 × 1,5 м, здесь камни более разбросаны. Жившая в последнем доме Матинпия Л. А. Бабкина рассказала, что, по преданию, на Муакота некогда обитал какой-то старовер или монах (старец?), а камни — это фундамент его дома. Муакота переводится как «землянка»*, что несколько не соответствует наличию подобного фундамента, но топоним в данном случае может оказаться гораздо древнее находящегося на его «территории» объекта. С Муакота можно без труда установить визуальную связь с Куусикко и Миеккакангас, а ранее, возможно, и с другими значимыми местами, например, с часовней на острове, ведь леса, судя по фотографиям начала XX века, на острове практически не было. Что же касается промежутка между Куусикко и Миеккакангас, где растет сейчас мелкий лес, мешающий обзору, то так было не всегда. Высокая колокольня, стоявшая в северо-западном углу кладбищенской рощи, была видна из любой точки деревни. Рядом находились не менее высокие ели (по крайней мере, две), ветви которых на большей части ствола были обрублены так, что на стволе были видны лишь небольшие их основания. Они стояли к юго-западу от колокольни, на стороне кладбища Миеккакангас. Так было еще в 1920-е годы. Вероятно, их срубили в связи с разборкой колокольни.

Итак, судя по панозерским материалам, границы внутренней, целиком освоенной человеком зоны, место его непосредственного обитания, т. е. поселения, куда включались и захоронения почитаемых предков, маркировались особым образом отмеченными деревьями, имевшими между собой прямую визуальную связь. В связи с этим следует упомянуть и еще об одной точке в окрестностях Панозера, с которой виден как остров, так и Куусикко. Это северо-западная оконечность мыса Ристиниеми, где находился поклонный крест. Его можно рассматривать как связующее звено с деревьями-карсикко на острове Вицуадсуари, которые относятся уже к внешней, всегда прерывистой (с поселениями визуально несвязанной), лишь локально освоенной и упорядоченной зоне человеческой деятельности, включающей дальние пожни, пожоги, рыболовные тони, перекрестья охотничьих троп и лесные избушки — места, где в Беломорской Карелии было традицией вырубать карсикко.

Подводя итог вышесказанному относительно пространственных характеристик карсикко, можно сказать, что карсикко есть универсальный ритуальный символ, выступающий как инструмент мифологического структурирования окружающего мира. Почему и каким образом именно карсикко выполняет столь ответственную функцию? Местоположению карсикко, как отмечалось ранее [37, с. 92—93], присуща пространственная маргинальность, что связано с его дуалистической сущностью. В горизонтальной проекции карсикко помещалось на границе земли и воды или на границе упорядоченного человеком пространства (находившегося под защитой умерших предков) и внешнего мира (находившегося во власти природных стихий). В вертикальной проекции карсикко располагалось между землей и небом (что имело особое значение в погребальной обрядности). То есть карсикко, представляя собой знак вполне материальной территориальной границы, выполняло в этом своем качестве также чисто мифологические функции. Прежде всего они были связаны с ролью карсикко как медиатора между миром мертвых и миром живых,

* Ср. *lapinkota* — лопарская вежа, полуземлянка из бревен и жердей, покрытая слоем дерна.

Две ели-карсикко
с обрезанными
ветвями в северо-
западной части
Куусокко. Фото
А. А. Иванова.
Панозеро, 1914 г.
(РЭМ)

между освоенным и неосвоенным природными мирами (последний, в свою очередь, мог восприниматься как мир потусторонний).

Разделяя миры и природные сферы, карсикко одновременно осуществляло необходимую мифологическую связь между ними — именно к нему (как на могилу) в некоторых местах приходили для общения с покойным родственники или близкие человека, находящегося в дальних краях, именно с карсикко, сделанным на границе родовых территорий, были связаны инициационные обряды, о которых шла речь выше. Карсикко, находясь одновременно в двух или нескольких измерениях, осуществляло функцию символического моста, соединяющего части мироздания.

Строго говоря, четко обозначенной во времени и пространстве границы между человеческим и потусторонним мирами в ранних мифологических представлениях не существовало. Она также не была непроницаемой. В течение года было несколько сакральных периодов времени (например, зимние и летние святки у земледельческих народов), когда человеческий и потусторонние миры как бы сливались воедино. Тогда было, например, возможно предсказывать будущее и воздействовать на судьбу иными способами. Возможно было слышать, осязать и видеть образы, принимаемые представителями потустороннего мира. В Святки, по представлению карел, врата рая были открыты для всех умерших. Достаточно широко были распространены поверья о том, что люди могли также «физическими» пребывать какое-то время в мире умерших или в мире духов, а для некоторых (как, например, для знахарей и предсказателей) это было основой их деятельности.

Внешний мир управлялся потусторонними (в обычных условиях невидимыми) природными силами, что приходилось постоянно учитывать, находясь вне жилища или поселения. Собственно, каждый человек знал усвоенные еще в детстве из рассказов взрослых «правила поведения», состоящие в основном

из запретов и предписаний на случай встречи с «нечистой силой» или какими-либо ее проявлениями. Особенными знаниями в этой области обладали длительное время находившиеся вне дома промысловики. Охота на лесного зверя и ловля рыбы сопровождались традиционно различными магическими действиями и целыми обрядами с чтением заговоров и определением благоприятных и неблагоприятных знамений. Недаром особо удачливые охотники и рыбаки относились к категории «знающих», считалось, что у них существовал договор с «хозяином». Подобный договор с лесовиком (в последнее время даже кое-где писавшим на бумаге «отпуск») был главным атрибутом пастуха, который и сам в глазах поселян был колдуном и представителем «нечистой силы».

Таким образом, учитывая, что и в самом жилище человека были свои домовые духи, а в жизни родовой общины умершие предки играли существенную, по мнению некоторых исследователей, даже главенствующую роль, граница между миром человеческим и миром потусторонним оказывается довольно эфемерной. Каким же образом тогда имевшее постоянное местоположение карсикко определяло эту подвижную, зачастую неуловимую границу? Думается, именно в силу неопределенности границы между мирами и в силу необходимости жизненно важного для социума и личности контакта с потусторонним миром (например, с умершими предками) появилась потребность обозначить, закрепить эту границу при помощи постоянного объекта. Такова логика ритуальных действий в календарной обрядности, касающихся майского дерева или новогодней ели, связанных с установкой их на деревенской или городской площади (в Северной Финляндии была известна «ель Иванова дня» — устанавливаемое посреди двора карсикко с обрезанными ветвями). На определенный период они становились символом мировой оси или «мирового столпа», поддерживающего мироздание в момент пошатнувшегося космического порядка, когда границы между мирами практически исчезали. Именно в этом ключе, с учетом представлений о наступлении космического хаоса в моменты смены природных циклов, следует рассматривать функцию оберега (в данном случае связанную с определением центра мира, его опоры), присущую подобным ритуальным объектам.

Проводимые в переломные периоды года обрядовые действия по установке дерева (шеста, столба и т. д.) сравнимы с вырубанием карсикко в неосвоенной зоне вдали от поселений. Действительно, в «диком лесу», на «неведомых», не охваченных человеческой деятельностью «потусторонних» пространствах появляется (как правило, на видном месте, на возвышении или на берегу) особым образом отмеченное дерево, являющееся оберегом от враждебных сил внешнего мира. Карсикко оказывается центром завоеванного у «дикой природы» (вероятно, изначально ограниченного пределами прямой визуальной связи) островка освоенной человеком территории.

И последнее замечание. Карсикко является собой природное начало — как правило, это растущее дерево. Однако принявшее определенную форму и включенное в систему мифологических связей, оно одновременно становится знаком, символом со множеством значений. В карсикко соединяются те природное и культурное начала, которые продолжают существовать и на дальнейших стадиях обработки дерева — от строительства дома до изготовления деревянной утвари.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Ниеминен

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (вместо предисловия) **6—18**

И. Чернякова

ПАНОЗЕРО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ: пять веков карельской истории **19—82**

ДРЕВНЕЙШИЙ КАРЕЛЬСКИЙ ПОГОСТ **20**

В ракурсе административных реформ XVI—XVIII веков **20**;

В освещении документов XVI—XVIII веков **23**

**ТРАДИЦИИ БРАЧНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
в XVIII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА** **42**

Заключение браков **45**

Куда выходили замуж? Где находили невест? **45**; В каком возрасте создавали семьи? **52**

Семья в Панозере в исторической ретроспективе:

в XVIII, XIX и начале XX века **58**

Несколько общих замечаний социально-демографического характера **58**;

Основные возрастные характеристики супружества **63**;

Роль семьи в сохранении жизнеспособности местного социума **69**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **74**

Н. Лавонен, М. Ниеминен, Н. Поздняк

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПАНОЗЕРА **83—110**

Н. Лавонен, М. Ниеминен

На восточной окраине земли рунопевцев **84**

Н. Поздняк

РУССКИЕ ПЕСНИ ПАНОЗЕРА **100**

А. Конкка, О. Набокова, Н. Поздняк, Е. Яскеляйнен
ЗАГАДКИ ЭТНИЧЕСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ **—111—230**

А. Конкка
ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ **—112—**

Е. Яскеляйнен
ПРЕДМЕТНЫЙ МИР СТАРОГО ПАНОЗЕРА **—116—**

Н. Поздняк
ПАНОЗЕРСКИЙ ПРАЗДНИК **—122—**

А. Конкка
Святки в Панозере, или КРЕЩЕНСКАЯ СВИНЬЯ **—130—**

Е. Яскеляйнен
ПАНОЗЕРСКИЕ НАРЯДЫ И ИХ РОДОСЛОВНЫЕ **—154—**

О. Набокова
Прялки Панозерья и прялочные традиции Карелии **—180—**

А. Конкка
Освоение жизненного пространства:
ПАНОЗЕРСКИЕ КАРСИККО **—214—**

И. Гришина, Л. Капуста, В. Орфинский,
С. Путистин, А. Яскеляйнен
ЗОДЧЕСТВО ДЕРЕВНИ ПАНОЗЕРА **—231—306**

И. Гришина, В. Орфинский
ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА
БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ **—232—**

Л. Капуста, В. Орфинский
ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА: ФАКТЫ И ЛЕГЕНДЫ **—252—**

И. Гришина, В. Орфинский
ТРАДИЦИОННАЯ ЗАСТРОЙКА ПАНОЗЕРА **—259—**

С. Путистин
ПЕЧИ ПАНОЗЕРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ
БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ **—281—**

А. Яскеляйнен
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДЕРЕВНИ:
ПЛОТНИЦКИЕ КУРСЫ И КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ
ПАНОЗЕРСКИХ ДОМОВ **—291—**

В. Орфинский
РОДНИК КАРЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (вместо послесловия) **—307—329**

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ **—330—344**